

Тимур Самигуллин

Элен & Эльза

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
С17

Самигуллин Т. Н.

Элен & Эльза / Т. Н. Самигуллин — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2018. — 107 с.

ISBN 978-5-5321-1274-2

В доме сестер-близнецов прошли похороны матери, их отец тяжело переносит утрату, находя утешение в бутылке. Судьба мастерской по пошиву пуантов оказывается на хрупких плечах Элен, Эльза готовится к выступлению на балу с офицерами Республики, обещающему стать поворотным в её начинающейся балетной карьере. Жизнь Города № 18 течет размеренно, пока цепь фатальных событий не рушит все до основания. Сколько стоит успех? А сколько - случайное убийство? Решения двух сестер и молодого офицера приносят им то боль, то надежду, то разочарование. Счастье каждого из них продолжает маячить в соблазнительной близости и вот-вот окажется в руках...

ISBN 978-5-5321-1274-2

© Самигуллин Т. Н., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2018

Тимур Самигуллин

Элен & Эльза

Пролог

Я – свет и тень
Наполовину,
Я – выдоха и мята, и полынь,
Я – ночь и день,
Я – белое лишь с виду,
Я – снега ком, я – горсть песка пустынь.

Ты – тень и свет,
Пропажа и находка,
На глобусе чужие полюса.
То сон, то бред,
То танец, то походка,
То мертвый штиль, то ветер в паруса.

Ты – пепел рун
Моих обетов прежних,
Потерянных за давность дней и лет.
Я – шепот струн
В ночи признаний грешных,
Оборванный рапирею сонет.

Мы – в бег, да так,
Что кровь на пуповинах,
В бою рожденных прямо в небеса,
И после – мрак,
Лишь теплая перина
И перья в белокурых волосах.

Глава 0. Затакт¹

Я сидел на скамейке около подъезда своего дома. В висках почти перестало стучать. Вера была очень убедительна, когда на чем свет крыла меня матом со своего Израиля. Да, я был, может, не прав, что дал волю эмоциям, наверняка не прав. Только исправить уже ничего нельзя. Лет десять назад, это может подтвердить любой, меня бы Кондратий хватил от таких новостей, а теперь ничего, помучился с неделю, и все – белый лист. Деньги. Деньги не заработал, а значит, потерял: ну что ж с того – мы часто что-то теряем, чтобы кто-то другой это нашел. Когда-нибудь таким счастливицом стану и я. Очень маловероятно.

Все, к черту хандру. Надо походить, побегать, если придется. В телефоне есть музыка, надо послушать что-то срочно, прям первое попавшееся. Нет, не то, это тоже не то, Стинг, стоп: «I hate to say it, but it's probably me»² – это прямо в точку, долбан, прямо в точку. Когда ты не главный – молчи в тряпочку, умолкни и не вспоминай о своих регалиях и талантах. Ты уже однажды уехал из города, где вершил дела в бригаде молодых и амбициозных, не у руля, естественно, и теперь история повторилась. Правда, тебе уже сорок, удали поубыло, но зато город попросторнее и поцентровее. Терпи и лезь. Как сказал один персонаж из выпуска новостей – работайте, братья.

¹ Затакт (в музыке) – неполная доля такта, предшествующая первой доле последующего такта.

² «Я ненавижу это говорить, но это, наверное, я» – слова из песни «It's Probably Me» (рус. «Вероятно, это я») британского рок-музыканта Стинга, которая была выпущена в 1992 году.

Глава 1. Поминки

Элен стояла у окна и смотрела на подъезжающий катафалк. Водитель едва-едва смог развернуться на крохотном пятачке двора и, выйдя из машины, раскуривал сигарету. Эльза услышала дребезжащий рокот древнего движка автобуса раньше остальных и уже выбежала на улицу с табуретами.

Темный смрад стоял в квартире, смешалось все: тлен разлагавшегося тела, перегар отца и прочие запахи немногочисленных гостей. Гроб был простой, в черной драпировке – даже в чем-то очень шел матери своей незамысловатостью. Её тонкие и нежные черты будто светились болезненной синевой из его глубин. Ажурный воротник прикрывал почти всю шею, а дальше до самых пят шло глухое платье, заканчиваясь аккуратными лаковыми туфлями. Спокойная и тихая, как при жизни.

Отец, напротив, больше походил на мертвеца.

Нэд Раух был сильным мужиком. Он перенес многие невзгоды, живя в Городе № 18 – это его отчий край, его родовое гнездо, если так можно говорить при нынешних делах в государстве. Когда-то, юнцом служа в местном театре, он часто мотался в столицу, чтобы попытаться как-то пробиться в люди, бывал в Генеральном театре на прослушиваниях, бухал в трактирах с местными актерами и заводил, как ему казалось, полезные знакомства. А потом – все. Какое-то недоразумение. Молодой Нэд не понял, что произошло, а старый бы и объяснил, но вот незадача: между ними уже пролетело двадцать лет жизни.

Теперь на нем небольшая мастерская при том же местном театре, и, как и обещал директор последнего те же двадцать лет назад, «ничего, не помер». Шить пуанты и костюмы уже помогают дочери, а там со временем, глядишь, и еще мысль созреет какая. Но вот Лили не вернуть.

Будущую жену Нэд встретил сразу после третьей или четвертой поездки в столицу. Тихая невысокая девочка сидела в шумном трактире и читала в углу, пока он с прочими приводил себя в надлежащий

пятничный вид дешевыми стопариками. Почему она, больше того, почему для неё он – загадка. Недаром говорят, что плюс и минус притягиваются, но коротнуло и заискрило между ними в тот вечер так, что и трактир, и книга были позабыты обоими уже через пару часов. С тех пор Нэд, приезжая в столицу, чаще искал встреч со своей новой любовью, нежели пытался продвинуть свою актерскую карьеру. Лили, в то время обучавшаяся танцам в школе при Генеральном театре, отвечала взаимностью, но все же при этом старалась прилежно посещать занятия.

Годы прошли незаметно, а старый Нэд все еще помнил запах её волос в тот вечер в том самом трактире. Помнил огромные глубокие глаза и завораживающее цветущее молодое тело. Теперь же Лили навсегда покинула его, оставив наедине с дочерями-двойняшками и этим глупым миром.

Из двух сестер Элен больше походила на неё своей кротостью и молчаливостью. Характер был непростой, но решения она принимала почти всегда взвешенно и прагматично. Из двух возможных ответов на любой вопрос она как-то умудрялась найти третий, который, к удивлению большинства окружающих, устраивал практически всех. Зато вторая, Эльза, была словно изнанка наволочки, вроде рисунок тот же, а краски совсем другие. Дерзкая и несдержанная, она обладала талантом уже с ясельного возраста находить себе приключения на свой, теперь, впрочем, вполне симпатичный, зад. То драка с мальчишками, то перепалка с учительницами в школе – для Лили Раух всегда находился повод посетить кабинет директора и выслушать новую нравоучительную историю. Но Эльзе почти всегда все сходило с рук. Слишком незлобива и проста была душа её матери, проста, как вот эта черная драпировка на гробе.

Элен подождала сестру и легким кивком подала незаметный жест Петерсу, заму начальника городского крематория. Он, кряхтя, привстал и со словами: «Ну что ж, ребят...» – взялся за край ящика. Мужики пододвинулись, и гроб поплыл к выходу. Нэд сидел на кухне, упершись зрачками в горлышко бутылки, ссутулившись, такой незаметный, темный и тихий. Никто даже и не пытался заговорить с ним сейчас – так неуместно это казалось – а он отвечал

полной взаимностью. Бывают такие моменты, когда ты сам весь без остатка – белый шум, наводка, искажение в радиоприемнике. Остается только сидеть и неуверенно ждать сигнала. А вот откуда ему взяться – почти точно не скажет никто.

Ни плача, ни вздохов – только сдавленный шепот слышался на поворотах лестницы подъезда: маленькие гробы нести несложно даже подросткам, не то что взрослым. Когда ящик мягко опустился на два подготовленные около катафалка табурета, свет солнца в последний раз упал на лицо Лили Раух. Сестры стояли рядом, и тошнота волнами то и дело подкатывала к горлу. Слабый ветер изредка тербил пару неприбранных локонов волос на голове матери, что создавало иллюзию неожиданно вернувшейся жизни. Элен положила ладонь на лоб покойницы, взглянула напоследок и отвернулась. Эльза стояла, молча тербя тесьму от венка, и неожиданно сквозь слезу сказала:

– Жди нас, мамочка. И пусть тебя там никто не обижает... А у нас все будет хорошо.

Все-таки Нэду повезло – они с Лили вырастили смелых дочерей.

Когда наконец через долгий лязг стартера неровно заработал двигатель катафалка, отец на кухне привстал. Окно оказалось приятно холодным – он прижался к нему лбом. Стекло дрожало в такт со старым движком машины. Нэд смутно видел, как гроб исчезает внутри автобуса, как люди пропадают в небольшом проеме дверцы, неловко и торопливо рассаживаясь по жестким неприветливым сидениям, как со скрежетом включается передача и катафалк трогается. Больше он не видел ничего: лежа на полу кухни, он корчился и заламывал руки, изрыгая изо рта содержимое последних двух бутылок в первоизданном виде. Бедолага не ел почти неделю.

Глава 2. Жизнь после смерти

Весна – прекрасное время года. В ней нет жужжащей назойливости лета, нет снежного остервенения зимы и стылой хандры осени. Любые новости проходят через теплый солнечный фильтр и воспринимаются потом значительно мягче. Нет нужды сильно утепляться или искать защиту от зноя, мало мух и много, по сравнению с зимой, света. Рай, одним словом.

Элен подбирала в кладовой колодки для пяти новых пар пуант, которые необходимо было пошить Августу Остерманну, обер-танцмейстеру и директору балетной школы. Надо было поторапливаться, ибо заказ висел уже больше недели. Эти вечные пьяные отговорки отца о том, что «каждая ниточка должна найти свою иголочку», уже начинали подбешивать, ведь раньше, до похорон, он был почти образцом пунктуальности и никогда не позволял себе подобного. А тут целая неделя простоя мастерской. Элен решительно настроилась поговорить с ним об этом, как только разберется с делами, не терпевшими отлагательства.

В зоне «А» про мастерскую Нэда знали все, в каждом дворе и в любой местной забегаловке, но вот его заказчиков здесь не было. Пуанты и театральные костюмы – прихоть небедных людей, которые живут в центре города, в зоне «К», там же, где исторически рядом соседствовали балетная школа, суд и Канцелярия. Там, где обитают семьи руководителей всевозможных рангов и династии деятелей разных областей культуры и науки, десятилетиями обраставшие гроздьями наследников, теперь не имеющих ни к культуре, ни к науке уже никакого отношения. Но они так же обладали деньгами и охотно распоряжались ими. Благодаря этому факту существовали некие возможности приработка гражданам из других частей города, часто неофициальные. Все же в большинстве случаев это давало им возможность вполне сносно существовать и даже кое-где улучшать себе быт и рацион.

Поэтому Элен была так сосредоточена и настроена на работу: где один заказ, там и остальные. Тем более сегодня, когда госпо-

дин Остерманн дает бал, среди приглашенных гостей которого будет присутствовать худрук Генерального театра, надо быть крайне опрометчивой, чтобы злить такого важного клиента в такой знаменательный для него день. Эльза танцует в сегодняшней постановке главную роль, а значит, есть шанс, что она наконец будет замечена, оценена по достоинству, и, как Элен искренне полагала, им с сестрой удастся выбраться из болотной трясины этой вечной бедности.

Эльза в их общей танцевальной группе была однозначно одареннее и физически крепче. Ей, в мечтах сестры, полагалось стать великой танцовщицей, подняться в Генеральном театре до звания примы и закрепиться в столице. К тому времени Элен расширила бы производство и, если тому соблаговолит высшие силы, нашла бы побольше новых клиентов. После, возможно, она бы осмелилась взять кредит, на который они с отцом купили бы огромный дом, в котором их бы навещала знаменитая дочь и сестра. А может быть, они бы переехали к ней в столицу. Это же все должно быть прекрасно, и в таком прекрасном плане детали могут быть уже не очень важны.

Поэтому сегодня она будет работать быстро и точно и сошьет эти чертовы пять пар пуант, чего бы ей это ни стоило.

Эльза вошла как нельзя вовремя.

– Я видела штук десять военных грузовиков в центре, – сказала она.

– Надеюсь, бал не отменят из-за каких-нибудь учений, – Элен постаралась изобразить шутливый тон, что ей почти никогда не удавалось.

– Не переживай, диктор предупредил – это наша публика, – не без сарказма успокоила сестра.

– Докатились, уже танцуем с солдафонами, – тихонько прошептала Элен.

С этими словами она намазала рукой жирный слой клея на джутовую заготовку и придавила атласную выкройку к колодке. Эльза тем временем достала тетрадь учета расходов и принялась, стоя здесь же, у прикрученного к стене в качестве балетного станка метрового